

С.В. Рассказов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКОЙ ГЕОГРАФИИ КРАТКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ДЛЯ ИСТОРИКОВ

Аннотация: Краткий авторский обзор состояния российской географии, выделяющий четыре базовых, заимствованных из западной науки, но порой оригинально перетолкованных или изолированно развивавшихся парадигмы. Это парадигмы комплексного естествознания, среды обитания, хронологическая и культурно-географическая. Для каждой из парадигм кратко описаны идейные и теоретические основания, воспринятые в российской науке, проанализированы перспективы взаимодействия с гуманитарными дисциплинами в поле исторической географии.

Ключевые слова: география, историческая география, естествознание, физическая география, экономическая география, пространственный анализ, культурная география.

В данном тексте автор не собирается давать очередной полный обзор истории географии, её парадигм и методов, в силу того, что таковых написано довольно много¹, в том числе в приложении к исторической географии². Основная задача статьи – дать общую характеристику географии в том виде, в каком с ней могут столкнуться российские историко-географы гуманитарного направления (преимущественно историки), т.е. в лицах, группах и доминирующих идеях, владеющих учёными и научными коллективами. Соответственно, отправной точкой изложения будет состояние российской географии, её подразделение на фракции и группы, идейный багаж, восходящий к тем или иным этапам развития европейской науки. Другие национальные географические традиции будут охарактеризованы лишь в той мере, в какой это будет необходимо для характеристики локального научного дискурса.

Автор также исходит из того представления, что существование двух мало пересекающихся исторических географий – одной со стороны круга исторических дисциплин, другой со стороны географии не является нормальным. Оптимальным на наш взгляд было бы более дробное оформление междисциплинарного поля между историей и географией, но притом с большим числом взаимных пересечений основных наук и более частым сотрудничеством географов и историков. Именно поэтому изложение материала также будет попыткой рассказать о точках соприкосновения историков и географов и возможном общем языке.

Первой проблемой большинства междисциплинарных исследований в России является восприятие смежных наук через популярные быденные образы, нивелирующие собственно научное содержание тех или иных дисциплин. Соответственно, география до сих пор пользуется среди неспециалистов репутацией «расплывчатой области знания, связанной с путешествиями» или, как максимум – с широкой эрудицией в плане знания и различения государств, их областей, столиц и множества разрозненных страноведческих

---

¹ Голубчик и др. 1998; Holt-Jensen 1999; Knox, Marston 2003 – наиболее доступные и качественные обзоры, одновременно студенческие пособия. Подержанные издания книги А.Холт-Йенсена и учебника Пола Нокса и Салли Марстон продаются через различные книжные интернет-магазины, например abebooks.com. Частично доступны в Google Books.

² Яцунский 1955. Монография В.К. Яцунского отсканирована и доступна в ряде интернет-библиотек, в том числе в библиотеке сообщества [ru-geography](http://ru-geography.livejournal.com/707.html) [режим доступа: <http://ru-geography.livejournal.com/707.html>].

фактов³ (в свою очередь, подавляющая масса географов недалеко ушла от представлений об истории как своде хронологических таблиц, максимум – энциклопедических справок о ключевых событиях, привязанных к различным странам и городам). Понятно, что подобный подход не может здесь рассматриваться всерьёз – самообразование пока доступно российским исследователям, по какой-то причине вынужденным выходить за рамки «родных» дисциплин.

Второй проблемой является запутанность и неоднозначность интегральных характеристик различных дисциплин в собственно научном плане. География в этом отношении особо выделяется, так как соединяет в себе минимум два раздела – в советской терминологии это экономическая и физическая география, первая из которых ближе к общественным наукам, вторая – к естественным. Соответственно, общаясь с представителями экономического или естественного крыла можно вынести порой противоположные представления о сути и методах географии как науки⁴. Учитывая сталинское наследие, в соответствии с которым даже «нефизический» раздел отечественной географии оказался строго завязан на задачи промышленного развития, практическое позитивистское мышление и экономический детерминизм⁵, можно очень долго искать взаимопонимания с географами самых разных изводов.

Для одних география будет естественной наукой о Земле как планетном теле, другие будут говорить о географической оболочке, т.е. в основном о поверхности планеты, третьи вспомнят о человеке, но лишь в контексте влияния на него окружающей среды и обратного «разрушительного» воздействия, четвёртые будут больше похожи на «красных директоров» образца 1990-х годов, пятые окажутся близки к макроэкономике, опросной социологии и демографии и лишь с последней группой географов, близких гуманитарной методологии, возможно, удастся найти общий язык, да и то не со всеми.

В качестве примера можно привести ситуацию на географическом факультете Московского университета. Из 15 его кафедр 10 являются физико-географическими, причём три из них (гидрологии, океанологии и метеорологии) относятся к чистому комплексному естествознанию, мало связанному с какими бы то ни было общественными науками. Студенты и преподаватели этих кафедр держатся особняком относительно

---

³ На Западе ситуация отличается не принципиально: It is still common to meet people who think that geography must have to learn a mass of facts, must know the population of towns all over the world and can name and locate all the new states in Africa. [...] People also have an idea that geography has something to do with maps. [...] A third view is that geographers write travel descriptions. – До сих пор легко встретить людей, которые думают, что география должна изучать большой объём фактов, должна иметь дело с численностью населения городов по всему миру, названиями и расположением всех новых африканских государств [...] Люди также склонны думать, что география имеет какое-то отношение к картам. [...] Наконец, географы, видимо, создают путевые описания. (Holt-Jensen 1999: 1; перевод автора).

⁴ Очевидны даже серьёзные методические различия между географическими науками естественнонаучного плана. Постоянно поднимается вопрос об уместности соединения частных естественных и общественных дисциплин под одной крышей и единстве географии в широких границах.

⁵ Этот багаж определил экономический фокус того раздела советской географии, аналог которого в Европе и Северной Америке обычно называется географией человека (*human geography*, *géographie humaine*, *Anthropogeographie*). До конца 40-х годов представление о том, что экономика определяет все прочие стороны жизни общества оставалось доминирующим, с середины 1950-х начинается робкое развитие социальной географии как вспомогательной дисциплины, позволяющей изучать различные неэкономические аспекты жизни людей, которые недостаточно подробно раскрывались в рамках методологического ядра экономической географии. После 1990-го года равенство экономического и «социального» раздела, было признано и закреплено в названиях кафедр экономической географии, ставших почти повсеместно кафедрами географии социально-экономической. Впрочем, этот терминологический переход слабо сказался на методах работы и основных интересах их сотрудников, так и оставшихся в рамках промышленной географии или страноведения энциклопедического разлива. Географов, воспринимающих свою науку как дисциплину широкого общественного плана или преимущественно гуманитарную, на подобных кафедрах единицы.

прочего факультета. Фокус исследований на пяти других физико-географических кафедрах (различные науки о Земле) имеет касательное отношение к проблемам социального плана, две кафедры практикуют комплексное ландшафтоведение, трактуя ландшафт как среду обитания человека. Кафедра картографии занимается скорее техническими методами отображения самой разнородной пространственной информации.

Оставшиеся четыре кафедры по старой классификации относятся к экономико-географическому профилю. При этом две из них в полной мере указанному профилю соответствуют, уделяя внимание в основном размещению промышленности России и мира, одна кафедра считает себя наследницей традиции комплексного страноведения, что даёт некоторую методическую свободу, но и эта свобода редко используется сотрудниками, последняя кафедра, сравнительно недавно созданная, посвящена проблемам туризма и чёткого методологического профиля пока не имеет. Даже те сотрудники экономико-географических кафедр, в деятельности которых очевиден сдвиг к изучению общества в чуть большем наборе его характеристик, чем только экономическая деятельность, составляют по отношению к своим коллегам меньшинство – большинство успешно продолжает работать в методологии 1930-х годов. Среди этого меньшинства есть ещё одно (за глаза считающееся маргинальным), полагающее, что в географии применимы не только методы социальных, но и гуманитарных наук⁶.

В академическом Институте географии соотношение специальностей похожее – из 14 подразделений два являются социально-экономическими, два – картографическими, остальные связаны с физической географией. В других относительно старых центрах географического образования и науки соотношение в пользу физической географии ещё более впечатляющее, в университетах, преобразованных в советское время из педагогических институтов, кафедры экономической географии обычно занимаются только подготовкой школьных учителей.

И, наконец, третья проблема отечественной географии – серьёзное методологическое и теоретическое отставание как от зарубежных коллег (чьи работы максимум могут быть прочитаны, но чаще игнорируются, в том числе в силу плохого знания языков), так и от отечественных партнёров по смежным наукам (российские экономико-географы совершенно неизвестны и малоинтересны российским экономистам, среди представителей социальной и политической географии известных исследователей – единицы, известные исследователи в географии физической принадлежат к предыдущим поколениям). Эта проблема в основном влияет на качество самопрезентации и степень современности внутренних взглядов на суть дисциплины. Трудности такого рода обусловлены не только «тяжёлым советским наследием» (экономическая география в 1930-х годах находилась на пике политической конъюнктуры, физической географии уделялось пристальное внимание

---

⁶ В англо-саксонской географии соотношение более равномерно – значение крыла географии человека не меньше, а порой и больше, чем крыла физико-географического, первое также имеет более чёткую структуру и внятные институты, что позволяет географам общественного плана иногда «перетягивать одеяло» презентации «единой науки» на себя. Похожая ситуация сложилась и во французской национальной традиции, где в принципе разрыв между географией и гуманитарными науками в силу особенностей развития образовательной системы был менее выражен и прошёл мягче. Немецкая традиция имеет значительный физико-географический уклон (в виде концентрации на вопросах природопользования и взаимоотношений человека и среды), но он не похож на российский, хотя бы, потому что естествознание образца XIX века для немецкой науки – уже пройденный этап. При этом западная география также обладает некоторым клеймом методологической заторможенности – среди специалистов по географии человека доминируют квазипозитивистские настроения, делающие дисциплину мозаикой исследований, близких к пространственной социологии образца 1950-60-х годов. Культурная и гуманистическая география также охватывает меньшинство исследователей, однако, меньшинство хорошо оформленное, структурированное, вписанное в академическую среду и имеющее доступ к таким классическим журналам как *Progress in Human Geography*.

в связи с разработкой ресурсной базы экономики и околгеополитическими устремлениями советского руководства).

Само рождение российской (и русскоязычной) географии как самостоятельной страновой традиции 1840-50-х годах было шагом в сторону от мировых трендов, квазиизоляция попыткой поставить конгломерат наук о Земле того времени на службу исключительно Российскому государству и первым робким общественным проектам националистического характера⁷. Можно сказать, что мы до сих пор пожинаем плоды усилий того времени: современная российская география до сих пор остаётся преимущественно позитивистской, ориентированной на круг дисциплин естествознания и внутренние методологические споры, игнорируя то, что происходит в науке за пределами страны.

Вкратце и поверхностно охарактеризовав структуру современной российской географической науки, стоит через описание актуальных подходов, методологий и парадигм обозначить важнейшие группировки российских географов. Ряд групп будет охарактеризован просто в силу их многочисленности и влиятельности, хотя возможная эффективность взаимодействия с ними в поле исторической географии стремится к нулю. Соответственно, небольшие группы и отдельные исследователи, мало влияющие на картину отечественной географии в целом, будут удостоены пристального внимания в виду, напротив, их важности с точки зрения возможного сотрудничества. В рамках изложения каждого подхода мы попытаемся охарактеризовать также теоретический и практический взгляд представителей разных методологических школ на проблему единства географии. Именно через призму этого вопроса яснее всего вскрываются представления о сути географической науки и возможные перспективы налаживания мостов между историками и разными группами географов.

Парадигма комплексного естествознания

Если в целом среди российских географов доминируют физико-географы, то данная парадигма является ключевой для специалистов естественного направления в описываемой науке. Её зарождение, видимо, можно отнести к XVI-XVIII векам, т.е. это самая ранняя в географии концепция собственно научного, а не натурфилософского характера. Хотя на заре эпохи великих географических открытий люди, сейчас считающиеся родителями современной географии, вряд ли имели репутацию учёных, скорее их можно назвать организаторами, дипломатами, торговцами, авантюристами, в лучшем случае это были носители прикладных знаний – конгломерата технических, астрономических, навигационных и картографических методов, позволяющих собирать информацию для успешного ведения торговли и внешней политики, «инженеры дальних путешествий». Собственно наукой для того времени, видимо, была «высокая география» древних, доступная в переводах. Впрочем, именно этот практицизм, возможно, помог новой области знания довольно быстро принять «неклассические» космологические представления и оказаться на переднем крае научной революции Нового времени.

К XVIII веку данная практическая область приобретает академическую репутацию, обрастая ботанико-зоологическими, океанографическими, этнографическими и другими исследованиями, требующими полевой работы. До уровня же «высокого», почти философского знания о мироздании в целом её довели работы Александра фон Гумбольдта⁸. Последний, очевидно, и должен быть признан автором законченной парадигмы комплексного естествознания, отображённой в пятитомном труде «Космос».

---

⁷ Найт 2003; статья доступна в библиотеке сообщества ru_geography.

⁸ Брат Вильгельма фон Гумбольдта, филолога и основателя современной системы университетского обучения.

Именно Гумбольдту удалось представить набор ситуативных практик по обследованию новых территорий и посильной обработке данных экспедиций в качестве особой формы познания вселенной, внимательной одновременно к законам природы и их конкретному проявлению по всей нашей планете. Гумбольдт же первым сформулировал и доказал на конкретных первичных данных некоторые из закономерностей подобного рода (закон широтной зональности, в общих чертах доступный ещё древним, был доказан им по показаниям первых метеорологических станций в Европе и Северной Америке, а также дополнен представлениями о континентальном и морском типах климата). Кроме того, как учёного ещё энциклопедического склада его интересовало очень многое – от геологии и внутреннего строения Земли до вопросов астрономии⁹. Собственно географию при этом он определял довольно узко, как науку, «которая занимается изучением множества разнообразных ... предметов и явлений, которые совместно существуют на отдельных территориях»¹⁰, но в России, кажется, обратили на это мало внимания¹¹.

Как раз в год выхода первого тома «Космоса» (1845) было основано Русское географическое общество, с которого началось формирование самостоятельной географической науки в России. Для общества, озадаченного геостратегическими, политическими и инвентаризационными вопросами, вполне подошла бы и предыдущая схема географии как конгломерата практических сфер деятельности и разрозненных концепций. Однако, соблазн свежих европейских теорий, к тому же немецкого происхождения, оказался слишком велик и представление о географической науке как об области знания, исследующей Землю как природное (планетное) тело, закрепилось на полтора столетия. В настоящее время большинством российских историков науки Гумбольдт трактуется как ключевой географ, а его работы целиком относят к географии.

Слабое место парадигмы комплексного естествознания в том, что именно она формирует географическую идентичность через ставшие почти анекдотическими упоминания о великих путешественниках и открытиях. То, что было ещё свежо и актуально в середине XIX века, в настоящее время превратилось в расхожие штампы. Собственно же научное содержание конкретных естественно-географических субдисциплин данную идентичность размывает, не оставляя за географией какого-то особого места, уничтожая её старые границы (т.к. естествознание и космология шире по предмету исследования) и возводя новые внутри неё¹². Носители этой парадигмы при решении вопроса о единстве географической науки часто вынуждены прибегать к ответам,

---

⁹ Человека при этом он представлял как ещё один элемент естественной жизни. «Общая картина природы, которую я старался изобразить, останется неполной, если у меня не останется смелости представить тут в немногих чертах и род человеческий в его различных физических оттенках, в географическом распределении современно-существующих типов его, в том влиянии, которые оказывают над ним земные силы и обратно, в том влиянии, хотя более слабом, которое он сам мог иметь на них. Зависимый, хотя и в меньшей степени, нежели растения и животные, от почвы и метеорологических процессов воздушного круга, легко уклоняющийся от сил природы деятельностью духа и постепенно возвышающимся разумом, как и удивительной гибкостью организма, приспособляющегося ко всем климатам, род человеческий существенно участвует во всей жизни». Гумбольдт 1848: 249.

¹⁰ Джеймс, Мартин 1988: 189.

¹¹ Справедливости ради надо сказать, что и часть западных учёных восприняла общенаучную естественную практику Гумбольдта как программу выстраивания системы географических наук.

¹² С середины XIX века быстрое самостоятельное развитие составляющих физическую географию дисциплин привело с одной стороны к разрыву единого проблемного поля этой науки, а с другой – к тесному переплетению «географических субдисциплин» со смежными основными – геоморфологии и тектоники с геологией, биогеографии – с биологией, климатологии с физикой атмосферы и т.п. Перспективы дальнейшего использования данной парадигмы, на наш взгляд, связаны с астрономией, так привлекавшей «отцов» ранней географии, позднее с исследованием других планет Солнечной системы. В этом ракурсе комплексное естествознание превращается в сравнительную планетологию с куда больше подходящим настоящей науке обилием объектов исследования, вместо одного уникального.

родившимся в рамках иных парадигм, или говорить о том, что странная ситуация двуединства «сложилась исторически».

Соответственно, для большинства российских географов их наука ни в коем случае не является областью гуманитарного знания. Более того, учитывая соотношение кафедр на географических факультетах и количество обучающихся там студентов, можно утверждать, что примерно для 2/3 специалистов в нашей области география – это в первую очередь естественная дисциплина с не очень понятным довеском в виде географии экономической, связи которой даже с социологией могут стать откровением для многих физико-географов. Понятно, что при подобном подходе междисциплинарное поле между такой областью знания как история и любой естественной наукой не может быть очень широким, а продуктом возделывания этого поля может стать только небольшая вспомогательная специальная субдисциплина.

Биологи и биогеографы могут дать в руки историков спорово-пыльцевой метод, максимум – некоторые природно-исторические реконструкции для каких-то регионов и стран, метеорологи и климатологи – указать на длинные тренды климатических изменений вроде довольно популярного в последнее время «малого ледникового периода» XV-XVIII веков. Собственно, неудивительно, что такие направления как история климата или разного рода природные реконструкции нередко стоят особняком в качестве самостоятельных фрагментов исследований, за границами исторической географии или, по крайней мере, её ядра, а сама историческая география оперирует имплицитным видением, почёрпнутым из других географических парадигм. Со своей стороны физико-географы указанного направления имеют собственный пространственно-временной извод исследований, известный как палеогеография (или эволюционное естествознание). Эта субдисциплина тесно связана с геологической историей Земли и в очень малой своей части касается истории человечества как такового.

Парадигма «среды обитания» или экологическая.

Данный подход отчасти может быть связан со стремлением отдельных географов конца XIX столетия отмежеваться от геологов, сосредоточившись на изучении не всей Земли, а только земной поверхности. По сути, т.н. географическая оболочка¹³ и есть ключевой, признаваемый, в том числе и представителями парадигмы комплексного естествознания, объект изучения географии, однако практическая ориентация данного рода исследователей заставляет усомниться в методологической адекватности заявлений об обособленном от геологии существовании. Тем более что землеведение (обзорная дисциплина, включающая основные сведения о форме и строении нашей планеты) до сих пор считается не общей для географии и геологии базой, а разделом географических наук. Более последовательными скорее были те учёные, которые не только пытались отстоять некий особый объект дисциплины¹⁴, но и более широко оценивали наследие «классической географии» натурфилософского периода.

В ней также можно выделить два крыла – космологическое и страноведческое (хорологическое). В описаниях окружающего мира, представленных, скажем, в различных религиозных текстах древности, эти два аспекта неразрывны: взгляд архаического человека легко устремляется от пределов родных окрестностей к пределам мира и «шатру небес над головой». Однако уже Эратосфен и Птолемей были склонны интересоваться больше космологией, чем описанием различных земель, подход Страбона напротив более

---

¹³ Пересечение или фокус других оболочек – литосферы, атмосферы, гидросферы и биосферы, вертикальная мощность которой в разных вариантах определяется от нескольких сотен метров до сотен километров.

¹⁴ В 1930-х годах в советской географии дошло до деклараций об особой географической форме движения материи.

хорологичен¹⁵. Соответственно, новую парадигму мы соотносим с признанием важности второго землеописательного или страноведческого крыла классической географии. Главным отличием древних текстов от географических описаний, в том виде как они сложились к середине XIX века, была своеобразная гармоничность широкого взгляда на отдельные части мироздания, охватывавшая равно как природную среду, так и человека, в этой среде творившего, действовавшего, создававшего города, объединения и государства. Географическому естествознанию же в стремлении к методической стройности и соответствию отдельных сведений своему объекту пришлось человеком и обществом пожертвовать.

Но именно этот древний образ географии, органично сочетавшей описания природоведческие и социальные, не давал и не даёт покоя множеству теоретиков, пытающихся найти ключ к единой науке, связывающей оформлявшиеся уже на тот момент физическое и социальное крыло географии не только декларативно или институционально. Родоначальником подобного подхода можно назвать Карла Риттера, современника и сотрудника Гумбольдта, а также его коллегу по географическому обществу, и Элизе Реклю, называвшего себя учеником Риттера. Именно Риттер писал о том, что «... Общее Землеведение должно рассматривать землю как жилище рода человеческого»¹⁶, а в работах Реклю действительно довольно органично сочетались как результаты новейших естественных исследований, так и исторические, этнографические, экономические и прочие социальные характеристики. Сама методология рассматриваемого подхода определяла объектом географии Землю не столько как планетное тело – здесь она ближе к «делам человеческим» – а как среду, сцену действия, на которой разворачивалась человеческая история и жизнь.

Книги Реклю были достаточно популярны по всей Европе в конце XIX столетия и имели подражателей и продолжателей, в том числе и в России. В европейской науке идея изучения природы как среды обитания человека легла в основу множества направлений – ландшафтоведения (ландшафтной экологии), региональных исследований, собственно экологии¹⁷, а также, похоже, сделала популярными размышления о роли природных условий в развитии человеческого общества. Последние уместились в широкий диапазон интеллектуальных высказываний – от довольно наивных спекуляций, таких как географический детерминизм и ранняя геополитика, до оригинальных пространственно- и естественноисторических исследований. В России предреволюционная наука в соответствующем масштабе отражала многие из этих интеллектуальных процессов – в настоящее время данное широкое поле заимствованных дискурсов чаще именуют русской антропогеографией¹⁸. Однако затем за дело взялись твёрдые марксисты, под натиском

---

¹⁵ Вполне возможно, что на становлении концепции комплексного естествознания сказалось широкое распространение среди европейцев в первую очередь переводов Птолемея.

¹⁶ Риттер 1867: 7.

¹⁷ Собственно термин экология придумал в 1866 году Эрнст Геккель – биолог и чистый естествовед, в трактовке которого он обозначал исследовательское поле о взаимодействии живых организмов с окружающей средой. Однако в уже в 1930-х годах определённое перетолкование термина осуществили Артур Тенсли и Карл Тролль. Первый ввёл понятие экосистемы (ключевое для современной экологии; здесь уже можно найти место человеку как одному из её участников или внешней воздействующей на экосистему силе), второй – геоэкологии как науки, объединяющей экологические и географические исследования экосистем. Впоследствии корень *οίκος* (дом, домашняя среда) всё больше и больше понимался как относящийся к человеку, а не к живым организмам вообще. Именно в этом смысле мы именуем средовую концепцию также экологической.

¹⁸ Последний большой текст в этой традиции: Семёнов-Тян-Шанский 1928; доступен в библиотеке сообщества [ru_geography](http://ru_geography.ru).

которых это направление в отечественной науке исчезло, частично по естественным причинам, частично в силу давления и запретов на определённые взгляды¹⁹.

В итоге концепция Риттера и Реклю в советской науке оказывала влияние в основном на дисциплины физико-географического раздела, да и то, например, в советском ландшафтоведении или географии почв часто лучше слышен голос чистых естественников, чем действительных энтузиастов двуединой науки. В экономической географии слабые отголоски её слышны только в концепции страноведения. Причины такой подвижности опять же в большем или меньшем упорстве в обретении географией строгого и логичного предмета изучения. Учёные, увлечённые логикой содержания своих исследований, как правило, сдвигаются либо к более чистому естествознанию (с придатком вопросов «влияния среды на общество»), оформляющихся в довольно простые прикладные области – инженерную геоморфологию или ландшафтно-экологическую экспертизу) либо к социально-экономическому страноведению, в котором физико-географическое содержание остаётся скорее «для галочки»²⁰. Подобные проблемы в рамках средовой концепции были решены всего один раз и в довольно радикальном варианте – через прекращение методологических споров о том является ли география единой областью знания или пересечением нескольких (*см. следующий абзац*). Соответственно в отечественной науке парадигма среды обитания – это, как правило, смягчённый вариант отвлечённой естественной дисциплины, представители которой чуть более лояльны к социогуманитарным интервенциям в «комплекс наук о Земле».

Если брать средовую парадигму в её изначальном виде, то фронт соприкосновения с историей и возможное поле для возделывания исторической географии оказывается куда шире. Лучшие примеры представляет череда исследователей, появившихся на родине Реклю. Поль Видаль де ла Блаш, выпускник *École Normale Supérieure* по направлениям история и география, изучавший затем древнюю историю, античную археологию и литературу, заняв в 1899 году место главы кафедры географии в Сорбонне положил начало особому французскому изводу географии, просуществовавшему на одном методическом фундаменте до 1950-х годов. Подобного рода единство было связано в том числе с административными факторами: факультеты и кафедры географии в университетах Франции за пределами Сорбонны стали появляться после 1899 года и заполнялись в основном учениками де ла Блаша (Люсьен Галуа, Жан Брюн, Эммануэль де Мартонн и др.). Внедряемая повсеместно исследовательская программа предполагала акцент на разностороннем изучении историко-культурных регионов страны (т.н. *pais*). Имея единую рамку общепризнанных регионов, можно было заниматься естественными, ландшафтными, социальными, историческими, экономическими и т.п. исследованиями в едином ключе, рассматривая влияние одной стороны реальности на другую в пределах не очень обширной территории.

---

¹⁹ Геополитика, при очевидном увлечении советского руководства разными формами экспансии, очень быстро оказалась в разряде «агрессивных, буржуазных и реакционных концепций», а географический детерминизм, несмотря на его внутреннюю наивность, решили на всякий случай запретить также и механически; возможно, именно в виду этого он так часто попадает в работах российских физико-географов в виде имплицитной и не проговоренной, но твёрдой концепции.

²⁰ Как полноценная традиция советское страноведение было основано в 1930-х годах И.А. Витвером, и в этом виде оно имело куда больше связей со средовой концепцией и двуедиными характеристиками стран. С 1950-х годов страноведение получило очевидный политический заказ – географы создавали информационную подкладку под советскую политику поощрения деколонизации и поддержки стран третьего мира, в связи с чем и образовался очевидный социально-экономический крен, сопровождавшийся переходом большинства специалистов на платформу пространственной (описанной ниже) парадигмы. Страноведы были тесно связаны с редакцией БСЭ, в которой отчасти и отлились классические послевоенные формы этой традиции, в неизменном виде традиция воспроизводится и сейчас – в томах Большой российской энциклопедии. Наиболее оригинальный и свежий текст, представляющий в том числе и школу страноведения: Трейвиш 2009.

В подобном духе была описана вся Франция, а затем разработана программа описания всего мира по регионам, представлявшимся адекватными аналогами французских *pais*. Последняя была реализована окончательно в 1930-х годах, уже после смерти П. Видаля де ла Блаша. Представляется, что на формирование общенаучных и междисциплинарных взглядов Ф. Броделя, а также основателей школы «Анналов» Л. Февра и М. Блока *la tradition vidalienne* оказала весьма значительное влияние. По крайней мере, два обзорных труда Броделя – «Средиземное море ... в эпоху Филиппа II» и «Что такое Франция»²¹ являются классическим (но и трудноповторимым) примером использования в истории «средовой концепции».

В России де ла Блаш и его взгляды весьма популярны среди небольшой группы ландшафтоведов, претендующих на владение секретом «единой географии»²². Бродель, после выхода переводов его книг на русский, стал неплохо известен многим географам и порой считается «за своего», а теоретическое наследие школы «Анналов» включается в короткие списки ключевых концепций уже собственно историко-географами с дипломами географических факультетов. Проблема здесь только в том, что появление в современной российской науке исследователей с такой широкой эрудицией, глубоким знанием источников и пространными междисциплинарными интересами в ближайшее время маловероятно. Некоторой проблемой, видимо, является и то, что популярные среди отдельных российских географов французы по итогам развития исторической науки уже должны перейти в разряд классиков. Соответственно, труды в духе «Что такое Россия», если и будут написаны, то, скорее всего, любителями, но, разговор в данном тематическом поле уже возможен, как, видимо, и небольшие локализованные историко-географические исследования, использующие модернизированную «французскую методу».

Пространственная парадигма (хорологическая).

Концепция географии как науки о пространстве складывалась в явном виде на протяжении XIX века во многом параллельно естественным изводам той же науки, более того, на развитие идей этого направления повлияли многие из уже вышеперечисленных учёных. Однако многие имплицитные определения в рамках данной парадигмы встречаются и у более ранних авторов и также могут быть возведены к наследию классической географии. Так, Иммануил Кант, сорок лет читавший в Кёнигсбергском университете курс географии, говорил о логической и физической классификации наук, организующих изучение явлений и предметов по их внутренней сути и происхождению или же по их распространению в одно время и в одном месте. В соответствии со вторым типом классификации необходимо было выделять историю как науку, описывающую явления окружающего мира в их распределении во времени, и географию, занимающуюся распределением явлений и предметов по территории, в пространстве.

При этом обозреватели идей Канта отмечают, что он не давал ссылок на других исследователей, высказывая данный подход к разделению дисциплин как нечто само собой разумеющееся²³. Хотя близкие к кантовским идеи высказывали и К. Риттер²⁴, и А. фон

---

²¹ Бродель 2002-2004; Бродель 1994-1995.

²² В советской географии существовал специфический вариант физической исторической географии, ориентированный на историю ландшафтов и природопользования. После его родоначальника В.С. Жекулина (Жекулин 1982) осталось несколько учеников. Сейчас группа историко-географов ландшафтоведов представлена в основном петербургскими исследователями, в некотором смысле опекаемыми одним из учёных старшего поколения, корифеем советского ландшафтоведения А.Г. Исаченко. Это Л.Б. Вампилова (Вампилова 2008), А.Г. Манаков, А.А. Соколова.

²³ Джеймс, Мартин 1988: 169-170.

²⁴ Существует мнение, что права «родителя» хорологической концепции надо отдать именно Риттеру (Стрелецкий 2004), хотя вопрос о первенстве, видимо, довольно условен – большинство упомянутых

Гумбольдт, и Фердинанд фон Рихтгофен (ключевая фигура второй половины XIX века с точки зрения институционализации немецкой географии), а фраза Э. Реклю о том, что география – это история в пространстве, в то время как история – география во времени, претендует на статус крылатой, основателем и главным ответственным за хорологическую концепцию, по крайней мере в России, считается немецкий географ Альфред Гёттнер²⁵. Свои методологические взгляды он высказывал с 1895 года по 1930-е годы в целом ряде публикаций, определяя единство географии не через единство предмета, а через единство метода, состоящего в исследовании развития человечества и природы в пространственных вариациях²⁶.

Иронично, что Кант после двоякого определения классификации наук делал вывод о том, что «логические» дисциплины, к примеру, физика, имеют более теоретический характер и способны к определению законов мироздания, в то время как география, в силу её хорологического характера, скорее должна остаться описательной наукой. В то же время первые модели в географии, поднявшие её на несколько иной уровень в общей системе наук, появились именно в рамках пространственного подхода. Более того, если география как комплексное естествознание или делит багаж своих «естественных законов» с другими науками или использует в целях их присвоения собственно пространственную аргументацию, то рассматриваемая парадигма позволяет отнести возможные закономерности пространственного развития к собственному багажу географии, создавая тем самым для этой области знания яркую идентичность и возможность, если не предметной, то весьма отчётливой методической цельности. География, занимающаяся самым широким спектром явлений – от квазифизических особенностей движения воздушных и водных масс до социальных характеристик малых групп людей, таким образом, оказывается единой наукой в силу того, что ко всему этому многообразию она подходит с одним набором вопросов: как и почему эти явления расположены (размещены) в пространстве и есть ли в этом какая-то собственно пространственная логика.

Несмотря на естественные компетенции Гёттнера и первых его последователей сейчас можно сказать, что пространственная парадигма оказалась присвоенной скорее географами общественного направления – как на Западе, так и в России. Большинство моделей пространственного развития, превращавших географию в довольно респектабельную позитивистскую науку «со своими законами», имеют отношение к географии человека. Первым, ещё изолированным от общей логики научного развития, примером разработки пространственных моделей считается труд 1826 года померанского помещика Иоганна Генриха фон Тюнена «Изолированное государство»²⁷. Вторыми в этом ряду обычно идут довольно близкие модели Вальтера Кристаллера (т.н. Теория центральных мест, разработанная в 1920-х годах на примере южной Германии) и Августа Лёша (концепция экономического ландшафта, разработанная в 1930-х, получила большую популярность в послевоенные годы, в силу более рыночного её характера)²⁸. При этом уже 1910-1920-е годы были довольно богаты на результаты теоретизирования в пространственном духе, предпринятого немецкими и американскими экономистами (теории размещения

здесь учёных XIX века были весьма разносторонни в своих интересах, вряд ли могут быть «присвоены» только одной географией и тем более только одной её парадигмой.

²⁵ Первый после Риттера немецкий профессор, получивший специальное географическое образование, также изучал философию. Первые работы посвящены климату Чили и Патагонии, а также геоморфологии.

²⁶ «Цель хорологической концепции есть познание характера стран и местностей, исходящее из понимания сосуществования и взаимодействия различных царств природы и их различных форм, а также познание всей земной поверхности в её естественном разделении на части света, страны, ландшафты и местности». Гёттнер 1930: 120. Книга доступна в библиотеке сообщества ru_geography.

²⁷ Thünen 1826.

²⁸ Christaller 1933; Lösch 1938.

производства и рыночных зон). Классикой экономической теории стала одна из разработок того времени – т.н. задача Хоттелинга или «задача о продавцах мороженого»²⁹).

Советская география в 1920-40-х годах развивалась примерно в том же направлении (пространственно-территориальная методология использовалась для прикладных задач по планированию промышленного и шире – экономического развития отдельных территорий и страны в целом), с той поправкой, что хорологическая концепция Гёттнера в СССР была официально отвергнута и достаточно регулярно подвергалась ритуальному осуждению. В этих условиях, учитывая также целостность «естественной концепции», взгляды, выраженные немецким географом, практически никак не сказались на советской физической географии. При этом, в 1930-м году успел выйти перевод книги Гёттнера «География: её история, сущность и методы» под редакцией и с предисловием главного на ближайшие десятилетия советского экономико-географа Н.Н. Баранского, а советскую районную школу – детище последнего совершенно невозможно вывести за рамки пространственной парадигмы. Это несколько изолированный (о Кристаллере и Лёше открыто заговорили в студенческих аудиториях уже после 1991-го года, а эконометрические модели до сих пор куда лучше известны российским экономистам, чем географам), жёстко ограниченный наследием советской ментальности, с локальным акцентом на выделение районов и районирование (это ещё дореволюционное наследие), но всё же – местный извод хорологической концепции.

Несколько оживили советскую экономическую географию перипетии научных споров в США 1950-60-х годов, где сравнительно молодое поколение учёных восстало против гегемонии местного последователя Гёттнера – Ричарда Хартшорна, который к концу 1940-х годов успешно сформировал образ американской географии как двуединой дисциплины о высококлассных районных описаниях хорологического характера. Спор американской «молодёжи» с «буржуазным классиком», названный количественной революцией³⁰, и её собственные левые симпатии позволили перевести в конце 1960-х начале 1970-х на русский несколько ключевых книг³¹, представивших англо-саксонскую школу пространственного анализа (по сути, это всего лишь другой вариант пространственной парадигмы, только куда более математизированный и ориентированный на производство моделей как основной научный продукт). К тому времени развитие науки в США и других странах Запада уже двинулось дальше, в сторону новых концепций, однако, в российской экономической географии владение данным материалом до сих пор является знаком особых компетенций, и, можно сказать, что методологически данная дисциплина в России до сих пор далее 1960-х годов не продвинулась³².

Тем не менее, совмещение географии неопозитивистского извода с историческими дисциплинами создаёт обширное пространство для сотрудничества. В его рамках сложно говорить всерьёз об источниках, их авторах и возможном спектре интерпретации источников, но для прикладной исторической социологии в рамках этой парадигмы существует немало интересных приёмов, методов и моделей. Начать можно с того, что все локализационные задачи в исторической географии так или иначе восходят к пространственной парадигме – это именно попытки найти место для того или иного объекта или явления на территории (в пространстве). Кому-то может показаться, что для

---

²⁹ На русском языке литература малодоступна, максимально простой способ познакомиться подробнее с данной задачей – запросы на английском языке ‘Hotelling’s law’, ‘Hotelling location model’ или ‘linear city model’.

³⁰ Движение в англо-саксонской географии на базе неопозитивизма, представители которого отстаивали необходимость широкого внедрения математических методов и моделей в дисциплину и борьбы с прежним «качественным уклоном» в пространственных исследованиях.

³¹ Изард 1966, Бунге 1967, Хаггетт 1968, Харвей 1974.

³² Лучший из новых трудов, написанных близко к методологии пространственного анализа: Тархов 2005. В сообществе ru_geography доступен текст диссертации С.А. Тархова.

успешного решения этих задач достаточно географической эрудиции, но, как показывает опыт, эрудиция не решает всех проблем. Нужна постоянная практика решения пространственных задач, умение оперировать общими терминами и закономерностями распространения явлений в пространстве. Следовательно, необходимо хотя бы поверхностное знакомство с методами хорологической парадигмы или сотрудничество с местными экономико-географами.

Географам подобного толка, работающим в основном со статистическими данными, наиболее интересны будут источники формально-числового характера, отражающие торговлю, перевозки, другие виды экономической деятельности, типы землепользования, численность населения. Плюсы, которые может дать это сотрудничество, состоят в умении подняться над локальной спецификой, найти общее в параллельных процессах, сопоставить данные из нескольких точек и наметить контуры более выпуклой региональной «картинки», провести районирование или, как минимум, разграничение соседних территорий³³. Кроме того, географам обычно более доступны различные картографические компетенции – кроме владения конкретными программными продуктами очень важны сами принципы отображения пространственной информации, ориентация в методах и некоторый «картографический вкус», чему студентов географических факультетов учат хотя бы поверхностно. Другой вопрос – насколько актуальна подобного рода позитивистская историческая география с отсылками максимум к теоретическому багажу экономики и социологии 1950-60-х годов. Однако, учитывая средний уровень теоретического развития российской науки, а особенно – уровень запросов потребителей научного знания, как и близкую к нулю степень разработанности подобного тематического поля в России³⁴, рискнём сказать, что некоторая актуальность за такого рода штудиями сохраняется.

Культурно-географическая парадигма.

Говоря о последнем, четвёртом подходе, представленном в российской географии, необходимо заметить, что это скорее конгломерат концептов и идей, и цельным он может казаться только в местной ситуации – на фоне доминирования естественной традиции. Название его тоже несколько произвольно, так как давшие ему жизнь новые направления западной географии именуется достаточно многообразно. Собственно культурная география в своём изначальном виде довольно тесно связана с концепцией культурного ландшафта. Сам термин выдвинул Отто Шлюттер (как противоположность *Urlandschaft* – естественному, первозданному ландшафту), в дальнейшем его концепция была несколько

---

³³ К примеру, главная проблема совершенно позитивистских по духу советских работ по исторической экономике городов Сибири – это следующее за источниками (разного рода описи, сказки и писцовые книги) торжество локалистики. Между тем, гипотезы о типологической схожести городских обществ примерно одного размера, зависимости их развития от окружающей территории (хинтерланда), соседских связей, положения в пределах транспортных сетей и политических полей, применение сравнительного метода и картографических иллюстраций могли бы значительно обогатить эти тексты. Но, всё, что имеется в распоряжении – это, как правило, разрозненные интерпретации тех или иных отдельных фактов и изолированных цифр, помогающих представить некоторые элементы повседневности городской жизни в Сибири XVII-XVIII веков, но бесполезных для системных характеристик общества того времени. Такие результаты входят в ироническое противоречие с декларируемой марксистской методологией и позитивистскими установками работ советских историков. Более целны в этом отношении труды небольшого коллектива, существовавшего на рубеже 1940-50-х годов и включавшего как историков, так и географов (В.И. Шунков, Р. Кабо, Л.Е. Иофа, В.В. Покшишевский) – здесь заявленная методология вполне соответствует как методам, так и результатам. К сожалению, деятельность группы прервалась со смертью основных её участников, а ученики быстро распределились по узко специализированным нишам.

³⁴ В западной науке направление статистического историко-социологического анализа до сих пор довольно востребовано и имеет стабильный муниципальный или государственный заказ.

расширена и под культурным ландшафтом стала пониматься освоенная людьми территория, в которой ярко проявляются характерные черты этого освоения, соответственно, возможно множество культурных ландшафтов как возможно множество культур.

Целая школа культурной (и исторической³⁵) географии была основана в Беркли Карлом Ортвином Зауэром, который в программной статье 1925 года «Морфология ландшафта»³⁶ сформулировал её основные принципы: изучение процессов развития культурных ландшафтов из природных, исследование закономерностей общественного и природного развития путём углубления в их пространственную неоднородность, рассмотрение взаимосвязей предметов и явлений в пределах одной области или района. Здесь совершенно очевидна переключка и с идеями В. де ла Блаша (французская школа при выявлении областей изучения оперировала понятием «образа жизни», близкого к локальной культуре, создающей культурный ландшафт) и Гёттнера (хорологическая метода, упор на исследование регионов как комплексов взаимосвязанных предметов и явлений). Вышеупомянутый Р. Хартшорн может быть отнесён к поколению молодых американских географов, на формирование которых Зауэр оказал ключевое влияние. В дальнейшем к этому широкому пониманию культурной географии присоединилось и более узкое – как изучение конкретных культур, их артефактов или культурной инфраструктуры (последнее направление, выливавшееся порой в подсчёты количества библиотек и музеев на душу населения, было единственной данью рассматриваемому направлению в советской социальной географии).

С 1950-х, однако, началось более серьёзное проникновение социальных и гуманитарных наук в географию. Поначалу оно шло в стороне от культурной географии – американских психологов интересовали аспекты пространственного поведения и мышления людей, а некоторые урбанисты, двигаясь в похожем направлении, заговорили о повседневных практиках обычного городского населения, образах районов, пространственной ориентации и представлениях. Данное направление, чаще называемое бихевиористским подходом в географии или же бихевиористской (поведенческой) географией, развивалось параллельно «количественной революции» и становлению школы пространственного анализа. Однако когда и гегемония неопозитивизма стала беспокоить следующие поколения исследователей, произошла закономерная реакция – в конце 1960 – 1970-х западная (в первую очередь американская) география взорвалась целым салютом околочеловеческих концепций. Протест против чрезмерного увлечения большими структурами и объективными, математизированными закономерностями отлился в интерес к когнитивным наукам, феноменологии, герменевтике, гендерным исследованиям, символическим, образным репрезентациям и т.п. Подчёркивая возрождение непосредственного интереса к человеку, этот методологический конгломерат называют гуманистической географией.

Второе рождение пережила и культурная география, которую в новом облике вряд ли можно чётко отделить от гуманистической, впрочем, её движение шло от интереса к этническим, религиозным, социальным и пр. общностям, меньшинствам, группам. Также данные течения отличаются привкусом радикальных (левое теоретизирование с широкой критикой капитализма, неолиберализма и общества потребления) и критических подходов (деконструкция больших идейных и идеологических структур), увлечением французскими постструктуралистами и концепциями общества постмодерна.

---

³⁵ Зауэр вместе с историком Боултоном и антропологом Кробером создал в Беркли кружок исторической географии, поощрявший студентов, интересующихся междисциплинарными исследованиями. Целый ряд историко-географических монографий был написан Зауэром в соавторстве со студентами, например: Sauer, Brand 1932.

³⁶ Sauer 1925; статья доступна в библиотеке сообщества ru_geography.

Эти несколько строк, посвящённые половине столетия в истории науки на Западе, мало что говорят об авторах, содержании идей, спорах и развитии дисциплин, зато они полно (или даже чрезмерно) отражают тот объём знаний о новой географии, что в среднем доступен российским специалистам³⁷. Для отечественной науки всё это многообразие новых веяний стало доступным в 1990-е годы, но жёсткая конструкция географических концепций и институтов, обилие и объём иноязычной литературы, а порой и некоторая сложность идей, привели скорее к отторжению многоголовой географии на новый лад. Недоумение физико-географов здесь можно понять, но и многие представители нефизической географии предпочли объявить последним достижением западной науки концепцию пространственного анализа, а новые течения упадочными, ненаучными и бесперспективными, а после – методологически вернуться в милые сердцу 1960-е годы.

Соответственно о каком-то серьёзном заимствовании всего этого поверхностно описанного многообразия культурно-географических подходов и концепций в России говорить не приходится. Поле отечественной культурной географии конституируется небольшим количеством исследователей, которых можно перечислить поимённо. Российским гуманитариям лучше всего может быть известен В.Л. Каганский. Учёный широкого кругозора, занимавшийся как вопросами экономической, так и физической географии, теоретик и районолог, активно внедрял семиотический подход в географические исследования, впервые сформулировал на русском посттрадиционное определение культурного ландшафта (как любого участка земной поверхности хотя бы даже осмысленного одним человеком или группой людей, что уже является освоением). Известен большим количеством статей и эссе, описывающим советское и постсоветское пространство через призму ряда оригинальных теоретических пространственных конструкций и общего к нему подхода как «особому советскому культурному ландшафту»³⁸.

Интерес к теоретизированию этого исследователя может быть отчасти связан с влиянием Б.Б. Родомана, которому Каганский приходится одновременно учеником, коллегой и в некотором роде конкурентом. Родоман – живой классик для небольшой, но продуктивной среды локальных географов, относится к поколению учёных, чьё активное творчество пришлось на 1950-70-е годы. Итоговый трёхтомный труд «Теоретическая география»³⁹ при этом был выпущен сравнительно недавно – с 1999-го по 2005-й год. Подход, отражённый в этом тексте, ближе к позитивистским изводам географии и порой напоминает локальную версию пространственного анализа – с меньшим объёмом математических построений и большей опорой на полевой опыт, но с такой же острой тягой к моделированию и обобщениям высокого уровня. Главная же специфика работ Родомана – это отображение всё того же уникального в мировой перспективе советского культурного ландшафта, построенного специфических антропологических и социальных основаниях. В проблемной области исследования советского обитаемого пространства Родоман и Каганский остаются первыми и пока единственными, а потому уникальными специалистами.

Другим автором оригинальной локальной концепции является Д.Н. Замятин, сначала связывавший свою идентичность с культурной географией (разрабатываемая им география образов или образная география мыслилась как часть этого поля), однако затем переопределивший собственные исследовательские владения как пограничную и ничью почти для всех дисциплин, с привкусом неформальной институционализации, область

---

³⁷ Детальный очерк в: Стрелецкий 2004; статья доступна в библиотеке сообщества [ru_geography](http://ru_geography.ru). Более подробно: Джонстон 1987: 176-278 (по состоянию на конец 1970-х годов); Holt-Jensen 1999: 115-144.

³⁸ Каганский 2001.

³⁹ Родоман 1999-2005.

гуманитарной географии⁴⁰. Отчасти учеником, отчасти коллегой и конкурентом Д.Н. Замятина является И.И. Митин – главный редактор сетевого научного журнала «Культурная и гуманитарная география»⁴¹. Разработки Н.Ю. Замятиной теоретически ближе к западной традиции. Для схожих, в общем-то, прикладных работ по географии образов используются наработки когнитивной теории, в связи с чем, в конце 1990-х годов ею был выдвинут проект когнитивной географии, курс которой Н.Ю. Замятина читает на географическом факультете Московского университета⁴².

Хронологическое первенство в рассматриваемой области принадлежит Ю.А. Веденину, опубликовавшему статью о культурном ландшафте в Известиях АН СССР ещё в 1990-м году⁴³. Подход Ю.А. Веденина ближе к школе К. Зауэра и даже средовой парадигме⁴⁴, хотя в принципе и сам Зауэр, как указано несколько выше, в данном разделе появился скорее по генетическим и терминологическим причинам. Появившаяся благодаря Юрию Веденину «умеренная» версия культурной географии, отдающая дань более ранним географическим парадигмам (т.е. в том числе и естественнонаучной ориентации в исследованиях) и традиционному для России интересу к этничности, является наиболее устойчивой, теоретически и институционально организованной. Ключевой для неё термин, концепт и объект исследования – культурный ландшафт, очень часто понимаемый как ландшафт этнокультурный, пространство проявления традиционной культуры.

Меньшее сопротивление среды подобного рода исследованиям, очевидно, привело к появлению и других учёных, занимающихся сходными темами сравнительно независимо. Это В.Н. Калуцков и М.В. Рагулина. В.Н. Калуцков – сотрудник кафедры ландшафтоведения Московского университета, большая часть работников которой по своим взглядам может быть причислена к сторонникам первой и второй описанных парадигм в географии. Свои прикладные исследования он посвятил традиционной культуре Поморского Севера и пространственной картине мира поморов⁴⁵. Теоретические взгляды В.Н. Калуцкова являются скорее обобщением его прикладных работ, определённое влияние оказывает и работа на естественной кафедре. Двадцать лет учёный возглавляет семинар «Культурный ландшафт». М.В. Рагулина – сотрудник института географии СО РАН (Иркутск), в своих работах, посвящённых этнокультурной картине Прибайкалья, прямо оперирует термином «этноландшафт»⁴⁶. Её ученица В.В. Куклина – также специалист по этнокультурной картине Байкальского региона и малым народам⁴⁷.

Кроме того, представляется принципиально важным вклад ряда учёных в популяризацию новых идей, систематизацию, обобщение и описание имеющегося опыта,

---

⁴⁰ Космарский, Рассказов 2005.

⁴¹ Режим доступа: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/index>

⁴² Замятина 2004, Замятина 2009.

⁴³ Веденин 1990.

⁴⁴ Согласно Веденину, культурный ландшафт включает два слоя: природный (естественная и преобразованная человеком природа) и собственно (люди, живущие в данном ландшафте, их материальная и духовная культура).

⁴⁵ Калуцков 2000; выбор региона исследований может быть связан отчасти с тем, что жена В.Н. Калуцкова – А.А. Иванова, фольклорист и специалист по Русскому Северу, сотрудник кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ.

⁴⁶ Рагулина 2004; Рагулина 2005. Доступны в библиотеке сообщества ru_geography. Ключевая концепция указанных работ при этом – культурный ландшафт, который трактуется с опорой на разработки Ю. Веденина, В. Калуцкова и В. Каганского, но с акцентом на процессах деятельности и коммуникации (Рагулина 2004: 100).

⁴⁷ Куклина 2003; Куклина 2006. Монография 2006-го года доступна в библиотеке сообщества ru_geography.

поощрение молодых исследователей, институциональную работу. Это Ю.А. Веденин⁴⁸, Г.Д. Костинский⁴⁹, А.В. Новиков (автор курса по культурной географии в Московском университете), М.В. Рагулина⁵⁰, Л.В. Смирнягин и В.Н. Стрелецкий⁵¹.

Очевидно, что максимально продуктивным может быть поле пересечения истории с современной западной географией позитивистского плана, но для подобной работы сложно дать какие-либо рекомендации. В отношении западной науки и российские историки, и российские географы находятся в примерно равной позиции – изучение текстов, освоение методологий, установление контактов здесь может зависеть только от личной энергии конкретного специалиста. Российские культур-географы, как видно, люди в основном сложившиеся и не обязательно работающие в поле исторической географии.

Это, впрочем, не касается В.Н. Стрелецкого – руководителя семинара по исторической географии при институте географии РАН, и лишь частично касается Д.Н. Замятина, часть работ которого имеют явные пересечения с историко-географической тематикой. Кроме того, книги Дмитрия Замятина, посвящённые методологии гуманитарной географии и довольно широко распространявшиеся в торговой сети, показали не только, что печатным словом можно до сих пор приобретать сторонников, но и то, что их автор нашёл тот язык рассказа о географии и пространстве, что адекватно воспринимается историками⁵². Наконец, все указанные исследователи в той или иной степени задевают проблемы пространственно-временного синтеза, небезынтересны в плане междисциплинарного общения и именно с них и их работ интересующимся представителям гуманитарных наук, очевидно, стоит начинать углублённое знакомство с географией. Наконец, несмотря на трудности взаимопонимания с коллегами, держащимися иных концептуальных взглядов на географию, постепенно позиции описанных учёных укрепляются, растёт число признанных работ, выпущенных студентов, т.е. в перспективе знакомство с идейным багажом данной группы может превратиться в капитал сотрудничества с новыми поколениями географов, более лояльных к гуманитарным методологиям. Историко-географические сюжеты, в которых знакомство с работами и личное общение с российскими культур-географами может помочь – это анализ географических образов, пространственных практик и представлений, картин мира в источниках, разработка языка пространственных понятий для подобного рода исследований.

Описанные четыре парадигмы распространены в локальной географии совершенно неравномерно и из четырёх случайных географов отнюдь не с тремя историками удастся найти общий язык. От половины до двух третей специалистов в области «наук о земле» будут строгими естественниками, искать с которыми взаимопонимания будет чрезвычайно затруднительно и малопродуктивно, если вести речь о пользе именно для исторической географии. Вторая – средовая парадигма имеет совсем немного чистых сторонников, очень часто она составляет предмет дополнительных увлечений, тем для интересных, но

---

⁴⁸ Ю.А. Веденин – председатель Учёного совета Института природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачёва, в котором длительное время работали Д.Н. Замятин и близкие ему исследователи, было возможно обсуждение «неклассических» идей в географии.

⁴⁹ Костинский 1976; Костинский 1990.

⁵⁰ Монография и докторская диссертация М.В. Рагулиной на две трети представляют собой обстоятельный обзор поля культурной и гуманистической географии, в том числе в России.

⁵¹ Стрелецкий 2002; Стрелецкий 2004.

⁵² То есть, кроме случаев появления соответствующих тем географических дипломных работ и диссертаций в провинциальных институтах под влиянием одних только дошедших до провинции книг, автор несколько раз встречался с грамотными историко-географическими текстами, вышедшими из-под пера молодых историков, особенностью которых было достаточно обильное цитирование текстов Д. Замятина. Порекомендовать можно: Замятин 2003, Замятин и др. 2008.

нерабочих разговоров, не влияя на методы конкретных исследований. Пространственная парадигма в разных формах в принципе является общепринятой среди экономико-географов, притом, что самих их немного, но и здесь более популярны строго позитивистские её изводы и, что логично, опыт, примеры и концепты советской промышленной географии⁵³. Разговор о хронологической парадигме во множестве её проявлений, текстах западных географов и пространственно-временных проблемах возможен с, условно говоря, наиболее продвинутой и передовой частью экономико-географической среды. Для того чтобы оценить численность тех, с кем стоит вести адекватный разговор о западной географии после 1960-х годов и её влиянии в России, достаточно количество перечисленных в последнем разделе учёных умножить максимум на три. Таким образом, разработка исторической географии современного облика в России всё же остаётся поприщем индивидуальных усилий энтузиастов – мощной традиции или школы, к которой можно было бы присоединиться, не существует. Как показывает опыт автора, наиболее продуктивен тут личный и долговременный контакт историков и географов, когда нужные подходы и парадигмы осваиваются в процессе совместной работы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бродель 1994-1995 – *Бродель Ф.* Что такое Франция, Т. 1-2. – М.: изд-во им. Сабашниковых, 1994-1995.
- Бродель 2002-2004 – *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II, Т. 1-3. – М.: Языки славянской культуры, 2002-2004.
- Бунге 1967 – *Бунге В.* Теоретическая география // Пер. с англ. В.Я. Барласа, В.Б. Кузнецова, Ю.В. Медведкова. – М.: Прогресс, 1967. – 280 с.
- Вампилова 2008 – *Вампилова Л.Б.* Региональный историко-географический анализ: система методов исследований в исторической географии. Книга 2. – СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – 148 с.
- Веденин 1990 – *Веденин Ю.А.* Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1990. – №5. – с. 5-17.
- Гёттнер 1930 – *Гёттнер А.* География: её история, сущность и методы. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. – 416 с.
- Голубчик и др. 1998 – *Голубчик М.М., Евдокимов С.П., Максимов Г.Н.* История географии: учебное пособие. – Смоленск: СГУ, 1998. – 224 с.
- Гумбольдт 1848 – *Гумбольдт А.* Космос. Опыт физического землеописания. Т.1. – М., 1848.
- Джеймс, Мартин 1988 – *Джеймс П., Мартин Дж.* Все возможные миры: История географических идей // Пер. с англ. Л.Н. Кудряшовой, под ред. А.Г. Исаченко. – М.: Прогресс, 1988. – 672 с.
- Джонстон 1987 – *Джонстон Р. Дж.* География и географы: Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 года // Пер. с англ. Н.М. Алаевой, под ред. Э.Б. Алаева. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с.
- Жекулин 1982 – *Жекулин В.С.* Историческая география. Предмет и методы. – Л.: Наука, 1982. – 224 с.
- Замятин 2003 – *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб: Алетейя, 2003. – 331 с.

---

⁵³ Притом, что в 1950-х на стыке советской географии и истории существовала вышеупомянутая довольно влиятельная группа историко-географов, годы самостоятельных занятий географией и обучения в университете не дали автору никаких даже поверхностных сведений о ней. Обнаружение соответствующих авторов и текстов было для автора чем-то вроде личного открытия.

- Замятин и др. 2008 – *Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю., Митин И. И.* Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / Отв. ред. Д. Н. Замятин. – М.: Институт Наследия, 2008. – 760 с.
- Замятина 2004 – *Замятина Н.Ю.* Принципы создания образа места // География и экология в школе XXI века. – 2004. – № 2. сс. 3–11.
- Замятина 2009 – *Замятина Н.Ю.* Когнитивная география: предмет и основные понятия // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. – №18. – Смоленск: Ойкумена, 2009. – сс. 57-69.
- Изард 1966 – *Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах // Пер. с англ. В.М. Хомана, Ю.Г. Липеца, С.Н. Тагера. – М.: Прогресс, 1966. – 660 с.
- Каганский 2001 – *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. – М.: НЛЮ, 2001. – 576 с.
- Калуцков 2000 – *Калуцков В.Н.* Основы этнокультурного ландшафтоведения. – М.: МГУ, 2000.
- Космарский, Рассказов 2005 – *Артём Космарский, Сергей Рассказов* Интервью с Д.Н. Замятиным // *Communitas*: научный альманах. Вып. 2: Российское пространство, взгляд географа. – 2005. – Электронное издание [Режим доступа: http://communitas.narod.ru/2-Communitas_2_2005_Zamyatin.pdf]
- Костинский 1976 – *Костинский Г.Д.* вопросы поведения человека и восприятия среды в зарубежной географии (обзор) // Известия РАН. Сер. геогр. – 1976. – №5. с. 143-148.
- Костинский 1990 – *Костинский Г.Д.* Установка сознания и представление о различных традициях в географии // Известия РАН. Сер. геогр. – 1990. – №5. с. 123-128.
- Куклина 2003 – *Куклина В.В.* Хозяйственно-культурный комплекс в полиэтничной среде: факторы консолидации и эволюции (На примере локальных общин Приангарья). Диссертация на соискание учёной степени канд. геогр. наук. – Иркутск, 2003.
- Куклина 2006 – *Куклина В.В.* Локальные сообщества Южной Сибири в полиэтничной среде: культурно-географический срез. – Новосибирск: СО РАН, 2006. – 125 с.
- Найт 2003 – *Найт Натаниэль* Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845 – 1855 // Российская империя в зарубежной историографии, М., 2005. – сс. 155-198.
- Рагулина 2004 – *Рагулина М.В.* Культурная география: Теории, методы, региональный синтез. – Иркутск: Институт географии СО РАН, 2004. – 171 с.
- Рагулина 2005 – *Рагулина М.В.* Культурная география: Теории, методы, региональный синтез. Диссертация на соискание учёной степени доктора геогр. наук. – Иркутск, 2005.
- Риттер 1867 – *Риттер К.* Землеведение Азии. Т1. География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею. – СПб, 1867.
- Родоман 1999-2005 – *Родоман Б.Б.* Теоретическая география, Т. 1-3. – Смоленск.: Ойкумена, 1999-2005.
- Семёнов-Тян-Шанский 1928 – *Семёнов-Тян-Шанский В.П.* Район и страна. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. – 311 с.
- Стрелецкий 2002 – *Стрелецкий В.Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. – 2002. – №4. с. 18-28.
- Стрелецкий 2004 – *Стрелецкий В.Н.* Парадигмы геопространства и методология культурной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. – М.: Институт Наследия, 2004. – с. 95–119.
- Тархов 2005 – *Тархов С.А.* Эволюционная морфология транспортных сетей. – Смоленск – Москва: Универсум. 2005. – 384 с.
- Трейвиш 2009 – *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир: Развитие России глазами страноведа. – М.: Новый хронограф, 2009. – 372 с.

- Хаггет 1968 – *Хаггет П.* Пространственный анализ в экономической географии // Пер. с англ. Ю.Г. Липеца, С.Н. Тагера. – М.: Прогресс, 1968. – 391 с.
- Харвей 1974 – *Харвей Д.* Научное объяснение в географии: Общая методология науки и методология географии // Пер. с англ. В.Я. Барласа, В.В. Голосова. – М.: Прогресс, 1974. – 503 с.
- Яцунский 1955 – *Яцунский В.К.* Историческая география: История её возникновения и развития в XIV-XVIII веках. – М.: АН СССР, 1955. – 352 с.
- Christaller 1933 – *Christaller W.* Die zentralen Orte in Süddeutschland: Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen. – Jena 1933.
- Holt-Jensen 1999 – *Holt-Jensen Arild* Geography: History and Concepts. A Student's Guide. – London: Sage, 1999. – 228 p.
- Knox, Marston 2003 – *Paul L. Knox, Sallie A. Marston* Human Geography: Places and Regions in Global Context. – Toronto: Pearson, 2003. – 577 p.
- Lösch 1938 – *Lösch A.* The nature of economic regions // Southern Economic Journal. – No 5. – 1938. – pp. 71-78.
- Sauer 1925 – *Sauer, Carl O.* The Morphology of Landscape // University of California Publications in Geography. – 1925. – Vol. 2 (2). – pp. 19-53.
- Sauer, Brand 1932 – *Sauer C.O., Brand D.D.* Aztatlán, Prehistoric Mexican Frontier on the Pacific Coast. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press. – Ibero-Americana 1.
- Thünen 1826 – *von Thünen J. H.* Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie. T 1. Hamburg, 1826.